

COLLECTION DES UNIVERSITÉS DE FRANCE
publiée sous le patronage de l'ASSOCIATION GUILLAUME BUDÉ

PLATON

ŒUVRES COMPLÈTES

TOME I

APOLOGIE DE SOCRATE

TEXTE ÉTABLI ET TRADUIT

PAR

MAURICE CROISSET

Membre de l'Institut

DOUZIÈME TIRAGE

PARIS
SOCIÉTÉ D'ÉDITION «*LES BELLES LETTRES*»

95, BOULEVARD RASPAIL

1985

ПЛАТОН

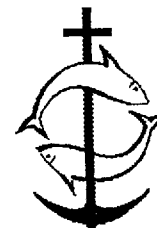
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ I (1)

АПОЛОГИЯ СОКРАТА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
А.А. Глухов, Ю.А. Шичалин

ПЕРЕВОД
М.С. Соловьева

МОСКВА

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КАБИНЕТ® Ю.А. ШИЧАЛИНА

2000

ВВЕДЕНИЕ

§1. ВРЕМЯ НАПИСАНИЯ

При решении вопроса о времени написания *Апологии* приходится опираться в основном на внешние свидетельства, поскольку стилометрический анализ самого текста указывает только на принадлежность его к группе ранних платоновских сочинений¹. Аргументы, опирающиеся на внешние по отношению к тексту свидетельства, можно разбить на две группы: в первую войдут те, что основываются на ображениях общего порядка, во вторую — основывающиеся на сравнительном анализе *Апологии* и иных текстов, в датировке которых имеется какая-либо уверенность.

Ценность традиционного аргумента первой группы², гласящего, что, намереваясь воспроизвести речь Сократа, Платон должен был сделать это как можно раньше, т.е. почти сразу после суда, пока эти драматические события были еще свежи в его памяти, оказывается весьма зависимой от ряда спорных допущений, и прежде всего от лишнего несомненности ответа на вопрос о целях написания *Апологии* и степени ее достоверности как исторического документа (см. следующий раздел). Напротив, некоторые исследователи³ убеждены в том, что для того, чтобы написать столь продуманное сочинение, Платону потребовалось достаточно много времени — от пяти до десяти

¹ Две другие группы: «средние диалоги» — *Государство*, *Парменид*, *Тимей*, *Федр*; «поздние диалоги» — *Сократ*, *Политик*, *Тимей*, *Критий*, *Филеб*, *Законы*. Стилометрических средств, по-видимому, оказывается недостаточно, чтобы как-то детализировать это тройное деление и, например, обосновать тот или иной порядок диалогов внутри каждой группы.

² См.: Zeller E. *Die Philosophie der Griechen*. Bd. 2 (1). Leipzig, 1992, стр. 529, прим. 2. Adam J. *Platonis Apologia Socratis*. Cambridge, 1886, стр. xxxi.

³ De Strycker E., Slings S.R. *Plato's Apology of Socrates*. Leiden, New York, Köln, 1994, стр. 18–19.

лет. Иные аргументы такого рода скорее остроумны, нежели убедительны: так, например, Croiset считает, что *Апология* не могла быть написана сразу после казни Сократа, поскольку ее тон не соответствует тем чувствам, которые Платону надлежало испытывать в то время.

Объектами для сравнительного анализа оказываются прежде всего диалоги самого Платона, а также ряд сочинений иных авторов: *Апология* Ксенофонта, *Обвинение Поликрата* и *Женщины в народном собрании* Аристофана.

Ряд исследователей подразделяет группу ранних платоновских сочинений на «сократическую» и «переходную», основываясь при этом на двух следующих аргументах. В некоторых из этих диалогов, во-первых, достаточно подробно разрабатываются проблемы, имеющие самостоятельное значение и не составляющие очевидную часть всеобъемлющего сократовского вопроса о жизненном благе, а, во-вторых, эленктическая манера дискуссии в них постепенно уступает место конструктивной. Поскольку оба вышеназванных фактора являются характерными для группы «средних диалогов», то выдвигается естественное предположение о том, что диалоги «переходной» группы следует датировать позже диалогов «сократической» группы. Однако в случае с *Апологией* принципиальное различие в жанре между судебной речью и диалогом сводит к минимуму силу такого рода рассуждений и тем самым возможность уточнить место сочинения в пределах «ранней» группы. Действительно, если иметь в виду содержательную сторону дела, то можно лишь согласиться с Diès, назвавшим *Апологию* «логическим введением» в ранние диалоги⁴: в ней так или иначе затрагиваются все основные темы этих сочинений. Однако исследователи расходятся в том, следует ли из этого логического предшествования временное или же, напротив, именно в *Апологии* подводится итог всего раннего периода творчества Платона⁵. Попытка прояснить ситуацию, с учетом всех вышеперечисленных сложностей, сделана и в новом (1994 г.) комментарии к *Апологии Сократа* de Stry-

⁴ Diès A. *Platon*. Paris, 1930, стр. 85–86.

⁵ См.: Erbse H. *Zur Entstehungszeit von Platons Apologie des Sokrates*. Rhein. Mus., № 118 (1975), стр. 22–47, где выражается мнение, что Платон писал *Апологию* с расчетом на аудиторию, знакомую с его ранними сочинениями.

cker-Slings, где наряду с указанием на почти дословное совпадение в текстах *Менона* (99c2–5) и *Апологии* (22c1–3) особое внимание уделяется и соотношению текста *Апологии* (29d2–e3) с историческими реалиями. В первом случае сравнительный анализ приводит авторов к выводу о том, что «пассаж из *Апологии* зависим от пассажа из *Менона*, и, следовательно, *Менон* должен был быть написан ранее *Апологии*»⁶, — об этом специально пойдет речь в комментарии к 22b8; во втором случае, по мнению авторов комментария, не только апелляция Сократа к гордости афинян за могущество их города была бы совершенно неуместна во время самого процесса (399 г.), но и позже вплоть до победы Конона (лето 394 г.) Платон вряд ли мог, приняв во внимание действительное положение дел, написать *πόλεως τῆς μεγίστης καὶ εὐδοκιστοτάτης εἰς... ἰσχύϊν*. Некоторое возрождение афинского могущества ознаменовалось вторичным возведением Длинных стен в 393 г., однако продлилось оно лишь до Анталкидова мира 386 г. Вывод, который отсюда можно сделать, согласно de Strycker-Slings, состоит в том, что по крайней мере эта часть текста была написана где-то в 392–387 гг.; при этом следует учитывать, что, как уже отмечалось выше, эти авторы считают, что целиком *Апология* вряд ли могла быть написана менее, чем за пять лет. Данное соотношение с историческими реалиями достаточно убедительно, на наш взгляд, показывает, что наиболее вероятный terminus post quem — 394 г., а terminus ante quem — 386 г.

Достичь большей определенности в датировке можно было бы опираясь на сравнительный анализ *Апологии* и произведений других авторов того времени. Установив, в частности, что *Апология* Ксенофонта предшествует платоновской, можно было бы получить в качестве terminus post quem тот же 394 г. для последней, поскольку в этом году Ксенофонт вернулся из Азии в Грецию — и теоретически тогда же мог написать *Апологию*⁷. Но аргументы, выдвигающиеся против этого предшествования⁸, кажутся столь же убедительными, сколь и те, что приводятся в его пользу.

⁶ De Strycker-Slings. *Op. cit.*, стр. 19.

⁷ Von Arnim H. *Xenophons Memorabilien und Apologie des Sokrates*. København, 1923; Hackforth R. *The Composition of Plato's Apology*. Cambridge, 1933. Гл. 2.

⁸ W. Schmid. *Gesch.* 224 sq.

Текст *Обвинения* Поликрата, написанный, по-видимому, где-то между 394 (в нем анахронистически упоминается восстановление Длинных стен) и 390 гг.⁹, мог бы, вероятно, сыграть решающую роль при установлении относительной хронологии целого ряда сочинений, если бы сам не дошел до нас лишь во фрагментах и переложениях. Что заставило Поликрата спустя много лет после осуждения и казни Сократа обвинять покойного еще раз? Возможно, то, что на свет появилась одна из его апологий. Но чья — платоновская, ксенофоновская или чья-нибудь еще? На что отвечает Поликрат и кто отвечает ему — к сожалению, решение этих важных вопросов при отсутствии текста возможно лишь с известной степенью достоверности. Из *Апологии Сократа*, написанной Либанием и отвечающей на некоторые пункты обвинения Поликрата, видно, что последний считает серьезным проступком Сократа то, что его школу прошли будущие тираны Критий и Алкивиад (Либаний 1. 136–149), а также вменяет ему в вину критику великих поэтов (Либаний 1. 62, 82, 92–95, 121–126). Эти доводы обвинителей никак не фигурируют в платоновской *Апологии*¹⁰, поэтому можно сделать вывод, что памфлет Поликрата указывает на *terminus ante quem* для времени ее написания¹¹. Таким образом, если согласиться с тем, что *Обвинение* Поликрата было написано до 390 г., то мы можем сузить вероятный отрезок времени, когда могла быть написана *Апология*.

Как представляется, для уточнения возможной даты написания *Апологии* необходимо также учесть аргумент, выдвинутый в работах: Pohlenz M. *Aus Platos Werkezeit* (Berlin, 1913) и Haack J. *De Reipublicae Platonis priorae editione* (Greifswald, 1917); его принимает в своих штудиях по платоновской хронологии и Thesleff (*op. cit.*, стр. 103–104): у Аристофана в комедии *Женщины в народном собрании* имеется

⁹ Treves P. *Polycrates* (7). RE 21, 1952. Стлб. 1736–1752.

¹⁰ Ср. ответ на эти обвинения в *Воспоминаниях* Ксенофонта (1. 2. 12–47, 1. 2. 56–60).

¹¹ Thesleff H. *Studies in Platonic chronology*. Helsinki, 1982, стр. 111. См. противоположное мнение: Coulter J. A. *The Relation of the Apology of Socrates to Gorgias' Defense of Palamedes and Plato's Critique of Gorgian Rhetoric*. Harvard Studies of Classical Philology, № 68, 1964. Стр. 303, прим. 35.

ряд выпадов против неких планов социального переустройства, своим радикализмом напоминающих те, что изложены в *Государстве*. Поэтому предполагается существование некоего раннего варианта этого сочинения — *Прото-Государства*, — так или иначе обнародованного ранее времени написания комедии Аристофана (392 г.) и высмеянного в ней. Именно *Прото-Государство* принесло Платону первую — причем комическую — известность. Поэтому, создавая *Апологию*, он должен был ощущать некоторую общность своей судьбы с судьбой Сократа, поскольку они оба были высмеяны в комедии Аристофана. В итоге ряд положений, произносимых в *Апологии* от лица Сократа, оказываются очень сходными с теми, что говорит сам Платон в своем единственном дошедшем до нас тексте, написанном от первого лица — в *VII письме* (ср. 325d–326b), о том, что порядочный человек должен сторониться политики, и о том, что, прежде чем участвовать в политике, граждане должны узнать, что же такое сам полис. Таким образом, создавая *Апологию Сократа*, Платон создавал в некотором смысле и свою апологию. Thesleff предполагает в качестве даты написания *Апологии* 392 г. или немного более позднее время.

При такой датировке *Апология* оказывается одним из самых первых платоновских сочинений. Что могло ей предшествовать? По мнению ряда исследователей¹², она является самым ранним сочинением из тех, что имеются в платоновском корпусе. По-видимому, решающую роль в прояснении этого вопроса должно сыграть представление о жанровой эволюции платоновских сочинений (об этом см. ниже, § 5). В связи с этим, первым вопросом, который необходимо исследовать для правильного понимания самой *Апологии*, является вопрос о ее жанре, т.е. о том, в какой мере она представляет собой исторический документ, а в какой — литературную фикцию.

¹² Grote, Natorp, Waddington, Raeder, Beare, Pohlenz, Windelband-Goedeckemeyer, Ueberweg-Praechter, Stefanini, Geffken, Loenborg, Zuercher, Brandwood, Vicaire, Broecker, Ilting, Wichmann, Erbse, Kapp, Wolff, Kube, Allen, Gundert, Guthrie, Michaelson-Morton-Gillies, Kahn. Полную (к своему времени) доксографию по вопросам платоновской хронологии дает в своей книге Thesleff.

§2. «АПОЛОГИЯ» СОКРАТА — ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ? (ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ФОРМЫ)

Согласно естественно приходящим на ум соображениям общего порядка¹³, чем ближе дата написания *Апологии* к моменту суда над Сократом, тем более точным воспроизведением речи Сократа она должна быть. Если указанная выше дата является более или менее точной, то *Апология* была написана спустя 7 лет после событий, которые она описывает. Это достаточно долгий срок для того, чтобы в памяти людей сохранились все детали процесса, но все же большинство судей было еще живо, а это значит — так считал, например, Burnet¹⁴, — что, сочини Платон что-нибудь весьма далекое от действительности, нашлись бы сотни свидетелей, заметивших бы ему эту ложь.

Однако подобная точка зрения была недавно подвергнута критике. В комментарии de Strycker-Slings обращается внимание, во-первых, на то, что практика судебного и политического красноречия в Афинах дает нам примеры того, что не только события многолетней давности, но и гораздо более близкие по времени весьма вольно перетолковывались ораторами в своих сиюминутных целях¹⁵. Во-вторых, платоновскую *Апологию* все же следует видеть в контексте всей полемики вокруг фигуры Сократа, возникшей после его осуждения, и более того, возможно — в контексте законов целого жанра посмертной полемики, сравнивая ее, например, с литературными спорами вокруг политиков, подобных Алкивиаду и Ферамену¹⁶. Действительно, платоновская *Апология* является лишь одной из ряда апологий Сократа, принадлежащих Ксенофону, Лисию, ученику Исократу Теодекту, Деметрию Фалерскому, Феону Антиохийскому, Плутарху и Либанию¹⁷. В свою очередь, противники Сократа предпринимали попытки осудить его и после

¹³ Thesleff. *Op. cit.*, стр. 110–111.

¹⁴ Burnet J. *Plato's Euthyphro, Apology of Socrates and Crito*. Oxford, 1924.

¹⁵ De Strycker-Slings. *Op. cit.*, стр. 2–3.

¹⁶ См. de Strycker-Slings. *Op. cit.*, стр. 4.

¹⁷ Это только дошедшие до нас имена. Слова из Ксенофоновой *Апологии* — *γεγραφασι μὲν οὖν περὶ τοῦτον καὶ ἄλλοι καὶ πάντες ἔτυχον τῆς μεγαληγορίας αὐτοῦ*, — возможно, указывают на то, что авторов апологий Сократа было больше.

смерти. Софист Поликрат написал от имени обвинителя Анита¹⁸ уже упоминавшуюся *Σωκράτους κατηγορία*, сочинение явно придуманное, содержащее несколько очевидных фактических неточностей. Конечно, учитывая, во-первых, что Теодект написал (по свидетельству Аристотеля, см. *Риторика* 1399a7) защиту Сократа от своего имени, а не речь от лица Сократа, во-вторых, что Ксенофонт прямо говорит, что он передает все со слов Гермодена, в-третьих, что о речи Лисия почти ничего не известно помимо анекдота, передаваемого Диогеном Лаэртием (2. 40)¹⁹, и, наконец, что прочие авторы апологий Сократа относятся уже совсем к другому времени, — нельзя не отметить особое положение платоновского текста в ряду вышеперечисленных. Однако важнее, пожалуй, все же то, что не только сами авторы не стеснялись отступать от фактов, но и публика, воспитанная на такого рода полемике, вовсе не ждала от этих сочинений того, чтобы они строго придерживались слов, в действительности произнесенных на заседании суда в 399 г.

Хотя аргументация, которую выдвинул Burnet, в связи с этим, действительно, не может быть признана вполне основательной, тем не менее нельзя не обратить внимания на то, что сам Платон несколько раз подчеркивает специфику данной речи как речи истинной²⁰. И даже если все эти пассажи следует рассматривать как литературный прием,

¹⁸ Впрочем, имеется точка зрения, что текст (или какой-то фрагмент его) написан скорее в стиле эссе, нежели в стиле повествования от первого лица — от лица Анита (см.: Hansen M. H. *Hvorfor henrettede athenerne Sokrates?* Museum Tusc. 40–43, 1980, стр. 55–82).

¹⁹ См. также: Цицерон. *Об ораторе* 1.54, 231. Текст Диогена воспроизводится ниже, в комментарии к 17с1.

²⁰ Конечно, многочисленные заверения персонажа в том, что он говорит только правду (17b7, 20d6, 24a7, 28a6, 28d6, 31c3, 32a8, 33c2, 33c8, 34b5), являются лишь косвенным свидетельством при рассмотрении намерений автора, но помимо этого Платон использует, пожалуй, все имеющиеся у него в распоряжении средства, чтобы: 1) у читателя возникло ощущение собственного присутствия на суде в момент произнесения речи: обращения Сократа к судьям «не шумите!» (20c4, 21a5, 30c2–3); 2) читатель запомнил, что автор присутствовал на суде: в подтверждение версии Burnet'a можно заметить, что оба упоминания своего имени автор сопровождает указательным местоимением «вот этот, здесь присутствующий Платон». Особо показателен второй случай (38b6), где Платон упоминается первым

все же они совершенно определенно указывают на жанровый характер создаваемого Платоном *литературного* текста («подлинная судебная речь»), который решительно отличается, например, от речи Поликрата, созданной в жанре парадоксальной речи²¹.

Далее, некоторые исследователи считают, что поскольку все остальные сочинения Платона вымышленные, то так же обстоит дело и с *Апологией*. Однако и здесь можно заметить, во-первых, особое положение *Апологии* по отношению к диалогам, действие которых происходит в те времена, когда Платон был еще слишком мал или еще не родился. Во-вторых, Vignot отмечает аккуратность Платона при упоминании реальных событий, а именно — Платон претендовал на историческую достоверность своего текста, поскольку дважды (34a, 38b) упомянул в нем о своем присутствии во время произнесения речи (ср. наличие в *Федоне*, 59b10, указания на то, что Πλάτων ἦσ' ἔδειξε — Платон не присутствовал при казни Сократа).

Серьезный повод усомниться в документальной точности платоновской речи Сократа дает если не ее содержание, то ее форма: речи, приписывавшиеся реальным персонажам и произнесенные в конкретных исторических ситуациях, мы находим, например, у Фукидида²², однако никому не приходит в голову считать их стенограммами. Кроме того, жанр эпидейктических речей, развитый софистами, также предполагал игровое воспроизведение судебных речей²³. С чем мы имеем дело у Платона?

Сократ начинает с того, что отказывается играть по правилам публичного красноречия и предлагает выслушать голую правду, высказанную как попало, в первых при-

в ряду из четырех имен. Очевидно, что эта позиция не случайна: только здесь наличие указательного местоимения выглядит естественным.

²¹ Это, в частности, подтверждает Исократ, замечаящий, что в отличие от обычных обвинителей Поликрат восхваляет Бузириса и обвиняет оправданного самими афинянами Сократа, хотя и для того, и для другого приводит неподходящие аргументы (*Бузирис* 5).

²² Фукидид так формулирует принципы, согласно которым он воспроизводит речи исторических персонажей: ὡς δ' ἂν ἐδόκειν ἐμοὶ ἕκαστοι περὶ τῶν αἰεὶ παρόντων τὰ δεόντα μάλιστα εἰπεῖν, ἐχομένῳ ὅτι ἐγγύτατα τῆς ξυμπάσης γνώμης τῶν ἀληθῶς λεχθέντων, οὕτως εἴρηται (1.22.1).

²³ Ср. de Struycker-Slings, стр. 3.

шедших на ум словах, и при этом произносит речь, которая по праву считается одним из шедевров ораторского мастерства. Vignot предлагает увидеть в этом обычную сократовскую иронию. Однако, как замечает Guthrie²⁴, и сам подобный отказ, и гордое нежелание умолять о своем помиловании так, как это делают другие, находят свои параллели с другими публичными декламациями, среди которых имеется и «учебник» риторико-софистической аргументации — *Паламед* Горгия²⁵. Особенно плодотворным оказыва-

²⁴ Guthrie W.K.Ch. *A History of Greek Philosophy*. Vol. 4. Cambridge, 1975, стр. 74 слл.

²⁵ Ср. *Паламед* Горгия и *Апология* Сократа Платона:

15: ὡς δ' ἀληθῆ λέγω, μάρτυρα πιστὸν παρέξομαι τὸν παροιχόμενον βίον.

15: τῷ δὲ μάρτυρι μάρτυρες ἡμεῖς ἦτε.

21: βίος δὲ οὐ βιωτὸς πίστειος ἐστρημένῳ.

22–24: «диалог» с обвинителем Одиссеем

25: противоречие в обвинении: κατηγορήσας δὲ μου διὰ τῶν εἰρημένων λόγων δύο τὰ ἐναντιώτατα, σοφίαν καὶ μάριαν.

26: дилемма: εἰ μὲν οὖν εἰμι σοφός, οὐχ ἤμαρτον· εἰ δ' ἤμαρτον, οὐ σοφός εἰμι. οὐκ οὖν δι' ἀμφοτέρω ἀν εἶψι ψευδής.

28: начало рассказа о себе:

πρὸς δ' ἡμᾶς ὡ ἄνδρες κριταὶ περὶ ἐμοῦ βούλομαι εἰπεῖν ἐπιφθονοῦ μὲν ἀληθῆς δέ.

33: нежелание добиваться помилования любыми средствами:

οἶκτος μὲν οὖν καὶ λιταὶ καὶ φίλων παραίτησις ἐν ὄχλῳ μὲν οὐσίας τῆς κρίσεως χρήσιμα· παρὰ δ' ἡμῖν... οὐ φίλων βοήθειαι οὐδὲ λιταῖς οὐδὲ οἴκτοις δεῖ πείθειν ἡμᾶς, ἀλλὰ τῷ σαφεστάτῳ δικαίῳ, διδάξαντα τὰληθῆς, οὐκ ἀπατήσαντά με δεῖ διαφθεῖν τὴν αἰτίαν ταύτην.

35–36: возможные исходы процесса:

εἰ μὲν οὖν ἦν διὰ τῶν λόγων τὴν ἀλήθειαν τῶν ἔργων καθαρὰν τε γενέσθαι τοῖς ἀκούουσι (καὶ) φανεράν... ἐάν δὲ ἀδίκως ἀποκτείνῃτέ με...

31c2: ἐγὼ παρέχομαι τὸν μάρτυρα ὡς ἀληθῆ λέγω, τὴν πενίαν.

19d1: μάρτυρας δὲ αὐτῶν τοὺς πολλοὺς παρέχομαι.

38a5: ὁ δὲ ἀνεξέταστος βίος οὐ βιωτὸς ἀνθρώπῳ.

24c–28a: диалог с обвинителем Мелетом

27a4: противоречие в обвинении: οὗτος γὰρ ἐμοὶ φαίνεται τὰ ἐναντία λέγειν αὐτὸς ἑαυτῷ ἐν τῇ γραφῇ.

25e6: дилемма: ἀλλ' ἢ οὐ διαφθεῖρω, ἢ εἰ διαφθεῖρω, ἄκων, ὥστε σύ γε κατ' ἀμφοτέρω ψεύδη.

32a8: начало рассказа о себе:

ἐρῶ δὲ ὑμῖν φορτικά μὲν καὶ δικανικά, ἀληθῆ δέ.

34c1: нежелание добиваться помилования любыми средствами:

ὁ μὲν καὶ ἐλάττω τουτοῦ τοῦ ἀγῶνος ἀγῶνα ἀγωνιζόμενος εἰδεῖθῃ τε καὶ ἰκέτευσε τοὺς δικαστὰς μετὰ πολλῶν δακρύων, παιδία τε αὐτοῦ ἀναβιβασάμενος ἵνα ὅτι μάλιστα ἐλεηθεῖν, καὶ ἄλλους τῶν οἰκείων καὶ φίλων πολλοὺς, ἐγὼ δὲ οὐδὲν ἄρα τούτων ποιήσω.

29d–30c: возможные исходы процесса:

εἰ οὖν με, ὅπερ εἶπον, ἐπὶ τούτοις ἀφίοιτε... ἐάν με ἀποκτείνῃτε...

ется сопоставление *Апологии* с корпусом судебных речей: как показывает Мейер²⁶, на первый взгляд, создается впечатление, что платоновский текст представляет собой столь же стандартный набор ораторских приемов, что и тексты других логографов. Похоже, что Платон всего лишь *post eventum* сделал то, что в свое время сделал еще Лисий — написал речь, которую, по его мнению, Сократ должен был прочитать в суде от своего имени. Однако из тех же источников известно, что Сократ отказался от речи Лисия, более того, как пишет Ксенофонт в своей *Апологии*, демоний вообще запретил ему готовиться к защите, т.е. если принимать это свидетельство всерьез, то похоже, что на суде Сократу не оставалось ничего другого, как действительно защищаться первыми пришедшими на ум словами, сказанными как получится. Таким образом, возникает следующее естественное возражение против подлинности *Апологии*: каким образом экспромпт Сократа мог приобрести столь совершенную форму платоновского текста?

Еще одно возражение против подлинности речи Сократа основывается на том, что она только на первый взгляд представляет собой судебную защиту. Настораживает уже сам ее тон. Ксенофонт, сам не присутствовавший на процессе и, по мнению многих исследователей, черпавший свои сведения о нем в том числе и из платоновского текста, был вынужден в своей *Апологии*²⁷, чтобы как-то объяснить себе и другим столь странную сократовскую *μεγαληγορία* по отношению к суду, говорить о том, что Сократ фактически хотел таким образом совершить самоубийство. Далее, при анализе формальных моментов, характерных для речи логографа, как показывает Мейер, можно увидеть, что функционируют они в тексте *Апологии* совершенно беспрецедентным для судебного красноречия того времени образом: они не имеют ничего общего с такими основополагающими приемами судебного словопрения, как заключение в силу правдоподобности, указание на относительность норм, заискивание перед судьями и т.д., они не достигают

²⁶ Meyer Th. *Platons Apologie*. Stuttgart, 1962, passim.

²⁷ Даже если этот текст на самом деле не принадлежит Ксенофону, он показателен в этом отношении.

в конечном итоге таких первостепенных целей, как снискание благосклонности слушателей по отношению к себе и недоверия по отношению к своим противникам, характеристика собственной личности с выигрышной точки зрения, преуменьшение последствий оправдательного приговора и т.д. Чему же служат тогда эти приемы в тексте *Апологии*? Как считает Мейер, с их помощью высказываются некоторые положения, которые представляют собой интерес для философа, а никак не для судьи, а следовательно, перед нами не речь Сократа в суде, а изложение позиции Платона, для которого защита Сократа и форма апологии только повод.

Убедительность такого рода аргументации кажется все же недостаточной в виду фигуры самого Сократа. Чего можно было ожидать от него в суде? Ксенофону не кажется невероятным, что он мог использовать весь процесс в своих целях столь необычным способом. Что же невероятного могло быть в том, что, произнося свою речь, Сократ был озабочен скорее тем, *что* сказать перед такой огромной аудиторией — т.е. выполнить задачу философа, — нежели тем, *как* спасти себя от смерти — что является задачей судебного адвоката? Невозможно представить и того, что Платон, философ *par excellence* в истории европейской философии, мог бы сыграть роль бесстрастного зеркала и буквально воспроизвести речи Сократа.

Таким образом, говоря об историчности *Апологии* в целом, можно согласиться с Guthrie, заметившим, что «никакого нового решения невозможно предложить по этому столь спорному вопросу, и ни одно из предложенных не является несомненным»²⁸. Вместе с тем, отказываясь усматривать в *Апологии* чисто исторический документ, мы не можем не отметить, что сам Платон подчеркнуто строит литературный текст, претендующий на истинность. Поэтому некоторая вероятность установить в тексте отношение исторической реальности и ее литературного и философского осмысления самим Платоном открывается при более подробном рассмотрении составляющих это сочинение частей.

²⁸ *Op. cit.* Vol. 4, стр. 78.

Апология представляет собой судебную речь, и в ее структуре имеются как разделы, обязательные для такого рода речей, так и вставки, наличие которых не спровоцировано спецификой жанра. Воспроизводя ниже структуру *Апологии*²⁹, курсивом мы выделяем разделы, могущие вызвать сомнение в своей исторической подлинности на том основании, что они скорее важны для платоновской *Апологии* как литературного произведения, нежели для реальной речи на процессе:

- 1) введение (*προοίμιον*) (17a1–18a5)
- 2) изложение существа дела (*πρόθεσις*): обоснование необходимости двойной защиты: от прежних обвинителей и новых (18a6–19a7)³⁰
- 3) опровержение обвинений (*λύσις*) (19a7–28a4):
 - а) *опровержение прежних обвинителей* (19a7–24b2):
 - i) чтение «текста» обвинения из трех пунктов: исследование того, что под землей, и небесных явлений; представление слабого аргумента сильным; обучение этому других (19b4–19c1)³¹
 - ii) негативная часть (19d1–20c2):
 - α) приведение свидетелей по первому пункту: Сократ — не «метеоролог» (19d1–19d7)
 - β) защита от обвинений по третьему пункту: Сократ не обучает других, т.е. он не софист (что автоматически включает в себя и защиту по второму пункту) (19d8–20a2)³²
 - γ) вставка-иллюстрация в защиту по третьему пункту: пересказ диалога с Каллием (20a2–20c2)³³
 - iii) позитивная часть (*δήγησις*): объяснение причин возникновения названных обвинений (20c4–24b2):
 - α) обладание некоей «мудростью» (20c4–20e3)
 - β) приведение в пользу этого свидетельства оракула (20e4–21a9)³⁴
 - γ) попытка проверки оракула: сравнение собственной мудрости с мудростью признанных мудрецов: 1) политиков; 2) поэтов; 3) ремесленников — именно

²⁹ Предлагаемая схема опирается на классическую схему (Bugnet) и учитывает уточнения (de Strycker–Slings), не воспроизводя буквально ни того, ни другого. В последней работе вопрос о частях речи детально обсуждается в контексте теоретических разработок Аристотеля и Анаксимена, в то время как Meyer провел большую работу по сопоставлению всего текста (не только в отношении его разделов) с речами ораторов.

³⁰ Подлинность разделов 2 и 3а) вызывает сомнение: в *Апологии* Ксенофонта Сократ сразу же приступает к рассмотрению обвинений, выдвинутых Мелетом, при этом никак не упоминая о существовании «старых обвинителей» (то же и в *Воспоминаниях*). Похожее строение речи, когда ответ на реальные обвинения дается после изложения предыстории дела, послужившей причиной обвинения, имеется в речи Андокида *О мистериях* (8.6): «Ο δὲ με ποιεῖ μάλιστα ἀπορεῖν ἐγὼ ἡμῖν ἐρεῖ, ὅτι οὐ πάντες ἴσως ἐπὶ πᾶσι τοῖς κατηγορουμένοις ὁμοίως ἀρχίσεσθε, ἀλλ' ἕκαστός τι ἡμῶν ἔχει πρὸς ὃ βούλοιοτο ἂν με πρῶτον ἀπολογείσθαι: ἡμᾶ δὲ περὶ πάντων εἶπεῖν ἀδύνατον. Κράτιστον οὖν μοι εἶναι δοκεῖ ἐξ ἀρχῆς ἡμᾶς διδάσκειν πάντα τὰ γενόμενα καὶ παραλείπειν μηδὲν. Ἄν γὰρ ὁρθῶς μάθητε τὰ πραχθέντα, ὁρθῶς γνώσεσθε ἃ μου κατεψεύσαντο οἱ κατηγοροί». Ср. указание на связь между предысторией и реальным обвинением у Андокида и у Платона:

О мистериях 10.1 слл.

«Ὡσπερ δὲ καὶ προεῖπον ἡμῖν, ὦ ἄνδρες, ἐξ ἀρχῆς περὶ πάντων ποιήσομαι τὴν ἀπολογία, πρῶτον μὲν περὶ αὐτῆς τῆς αἰτίας ὅθεν περ ἡ ἔνδειξις ἐγένετο, διότι εἰς τὸν ἀγῶνα τόνδε κατέστην... ταύτην.

Апология Сократа 19a8 слл.

Ἐναλλάξωμεν οὖν ἐξ ἀρχῆς τίς ἡ κατηγορία ἐστὶν ἐξ ἧς ἡ ἐμὴ διαβολὴ γέγονεν, ἥ δὴ καὶ πιστεύων Μελήτος με ἐγράψατο τὴν γραφὴν ταύτην.

Высказывается предположение (de Strycker–Slings), что благодаря введению раздела, посвященного анализу прежних обвинений, Платон получал возможность, во-первых, рассказать подробно о жизни Сократа, а во-вторых, уменьшить роль обвинения Мелета, представив его лишь результатом прежней клеветы (стр. 45–46).

³¹ Эти обвинения действительно могут быть извлечены из текста Аристофана и других комедиографов, однако настораживает то, что о них нет никакого упоминания у Ксенофонта — именно как об обвинениях (помимо вспомогательной дискуссии в *Воспоминаниях* 1.1, 11). Не были ли они и в самом деле уже *post eventum* переписаны из комедий в текст защиты?

³² Ни в *Апологии*, ни в *Воспоминаниях* Ксенофонта Сократ не противопоставляется столь радикально софистам (см. ниже, § 4).

³³ Аналогию к этому разделу следует, видимо, искать в сократической литературе, существование и формы которой к моменту написания *Апологии*, впрочем, вызывают множество вопросов. Известно, что еще при жизни Сократа близкие ему люди записывали его беседы, а после его смерти появляется ряд авторов, перечисляемых у Диогена Лаэртца (2 кн.), которые специализируются на написании *Σωκρατικοὶ λόγοι*. Среди них имеются персонажи вполне мифические, как, например, Симон-сапожник, который, как говорят, стал первым рассказывать (*διελέχθη*) сократические истории. Диоген Лаэртций сообщает, что в одной его книге содержалось 33 диалога. Значит, размер этих диалогов был примерно такой же, как у этой вставки в текст речи Сократа, которая, таким образом, дает представление о сократической литературе времен написания *Апологии*.

³⁴ Ср. Ксенофонт, *Апология* 14.6–9. Однако важно, что здесь Сократ, цитируя оракул, пытается истолковать каждый из эпитетов («нет человека более бескорыстного, справедливого и разумного») in bonam partem с точ-

- отсюда возникла неприязнь к Сократу со стороны горожан (21b1–23c1)
- д) дополнительная причина: Сократу, испытывающему мудрость других, подражают его юные почитатели, — это и привело к выдвигению против него обвинений Анитом, защищавшим ремесленников, Ликоном, защищавшим политиков, и Мелетом, защищавшим поэтов (23c2–24b2)
- б) опровержение новых обвинителей (24b3–28a4):
- i) чтение текста обвинения из 3 пунктов³⁵: Сократ разворачивает юношей, учит не признавать традиционных богов, вводит новые божества (24b6–24c2)
 - ii) допрос обвинителя Мелета (*ἔρωτησις*) (24c2–28a4)³⁶:
 - α) по первому пункту обвинений, — вывод: Сократ не разворачивает юношей, во всяком случае, не разворачивает их сознательно (24c10–26b2)
 - β) по второму пункту обвинений, — вывод: Сократ почитает богов; намек на причину выдвигения третьего пункта обвинения (демоний, некое пророческое божественное чувство) имеется в 32d2 слл. и 40a2 слл. (26b2–28a4)
- 4) отступление (*παρέκβασις*): биографические сведения (*ἦθος τοῦ λέγοντος*) помогают ответить на возможные возражения (28b2–29b10):
- а) *возражение первое*: почему Сократ ведет опасный образ жизни? Анализ выявляет благочестие Сократа (28b2–31c3)³⁷:
 - i) анализ с точки зрения «достойного» (*τὸ καλόν*) (28b4–29b10):
 - α) общий принцип — верность долгу превышает страха смерти — иллюстрируется на примерах эпических героев (28b4–28dg)³⁸
 - β) применение принципа: в минуту смертельной опасности Сократ остается верен долгу (28d10–29b10)
 - ii) анализ с точки зрения «полезного» (*τὸ ὠφέλιμον*): возможные исходы процесса (29c1–31c3)³⁹:
 - α) в случае оправдательного приговора Сократ будет продолжать тот же образ жизни, поскольку именно совершенствование души — своей и окружающих — является первой целью человека (29c1–30c1)⁴⁰

ки зрения обычного афинского обывателя, т.е. просто подчеркивает, что его нравственный образ жизни и вызвал подобную оценку, что, конечно, могло сделать Сократа предметом зависти, в том числе со стороны Мелета (ср. Диоген Лаэртский 2.37). У Платона ход мысли совсем другой: вся история с оракулом ему нужна для того, чтобы показать призванность Сократа самим богом к тому служению, которое в конце концов и вызвало недоброжелательство афинян и обвинения Мелета. Этот образ подкрепляется в дальнейшем сравнением Сократа с оводом, которого бог приставил к афинскому демосу: *ὁ θεὸς ἐμὲ τῇ πόλει προστεθήκεναι τοιοῦτόν τινα*, 30e4–6).

³⁵ Аналогичным образом Сократ зачитывает обвинения Мелета в свой адрес и в *Апологии* Ксенофонта, те же пункты обвинения приводятся и в *Воспоминаниях*.

³⁶ Ср. Горгий, *Паламед* 22–24 (впрочем, там Паламед сам отвечает за Одиссея). Легальность, а следовательно, уместность подобной процедуры может быть подтверждена, во-первых, указанием Сократа на то, что закон обязывает Мелета отвечать (25d), а во-вторых, цитатой из закона у Демосфена (*Против Стефана* 2.10.4): *Τὸν ἀντιδικὸν ἐπάναγκες εἶναι ἀποκρίσασθαι ἀλλήλοις τὸ ἐρωτούμενον, μαρτυρεῖν δὲ μή*. Подобный раздел имеется и в *Апологии* Ксенофонта (19–21), однако его содержание несколько иное.

³⁷ *Παρέκβασις* — традиционный раздел речи (ср. Горгий, *Паламед* 28–32; Лисий 16.1.4: описание ситуации, в которой не было риска для жизни говорящего), однако его использование у Платона нетрадиционно: заботясь о скромности, логографы обычно предпочитали описывать недостойное поведение противников обвиняемого в минуту опасности, а не мужественные поступки самого говорящего. Ксенофонт также пугает подобное высокомерное поведение во время суда, и он даже предлагает версию сознательного самоубийства Сократа. У Платона же весь эпизод служит еще одним подтверждением того, что Сократ все свое поведение в здешней жизни строит в соответствии с правилами подлинного благочестия, которое обеспечит достойное существование души после смерти.

³⁸ Сравнивая Сократа с героями, Платон исподволь подготавливает читателя к общей героизации его образа (см. § 4).

³⁹ Ср. Горгий, *Паламед* 35–36.

⁴⁰ Платон умело использует традиционный раздел речи *παρέκβασις* для изложения собственного религиозно-этического учения.

⁴¹ Это второе возражение Платон очевидным образом использует для изложения основной проблемы собственной политической доктрины, а именно, совместности частной добродетели и несовершенного государственного устройства. При этом тот факт, что именно божество (демоний) запрещает Сократу участвовать в общественной жизни, лишней раз подчеркивает божественный характер его здешнего служения.

⁴² Приводя эти примеры, Платон по существу подготавливает нас к вмещению того исключительного опыта, которым для него самого оказалась в конечном счете и смерть Сократа. *

⁴³ Ср. Горгий, *Паламед* 33.

⁴⁴ Логографы естественным образом писали речи в расчете на оправдание обвиняемого, поэтому мы практически не располагаем образцами речей написанных или произнесенных по вынесению обвинительного приговора, однако Цицерон свидетельствует о легальности этой процедуры: *erat enim Athenis reo damnato, si fraus capitalis non esset, quasi poenae aestimatio; et sententia cum iudicibus daretur, interrogabatur reus, quam [quasi aestimationem]*

- β) в случае казни Сократа больше всего потеряют афиняне (30сб–31сз)
- b) возражение второе: почему Сократ не участвует в политической жизни? Анализ показывает, что он имеет основания ограничиться частными беседами и что эта его деятельность полезна (31с4–34b5)⁴¹:
- i) демоний предостерегает Сократа от участия в политической жизни (в связи с чем Сократ возвращается к третьему пункту обвинений Мелета) (31с4–31d6)
 - ii) замечание о несовместимости частной добродетели и общественной деятельности (31d6–32а3)
 - iii) примеры приверженности Сократа справедливости в общественной жизни при демократии и олигархии и по отношению к отдельным ученикам (в связи с чем Сократ возвращается к первому пункту обвинений Мелета и вызывает в качестве свидетелей родственников тех, с кем он общался) (32а4–34b5)⁴²
- 5) эпилог (*ἐπίλογος*) (34b5–35d9):
- a) отказ от попытки разжалобить суд (*οἰκτος*) (34b6–35b9)⁴³
 - b) напоминание судьям об их долге (в связи с чем Сократ возвращается ко второму пункту обвинения Мелета) (35b10–35d9)
- 6) речь после вынесения обвинения (*ἀντιτίμησις*) (35e1–38b9)⁴⁴:
- a) наказание, предложенное Сократом самому себе (36b2–37а1)
 - b) возможные варианты наказания (37а2–38b4)
 - c) наказание, испрошенное по совету друзей (38b4–38b9)
- 7) речь после вынесения приговора (38с1–42а4)⁴⁵:
- a) к приговорившим его к смерти (38с1–39d10):
 - i) указание на нечестие обвинителей (38d3–39b8)
 - ii) предсказание будущего обвинивших (38с1–39d10)⁴⁶
 - b) к подлинным судьям (39e1–42а4)⁴⁷:
 - i) утешение их: случившееся следует признать скорее благом (40а3–40с3)
 - ii) объяснение этого парадокса, основанное на признании бессмертия души и загробного существования (40с4–42а4)

commeruisse se maxime confiteretur. Quod cum interrogatus Socrates esset... (*Об ораторе* 1. 232). Самым понятным с обычной точки зрения является просьба о замене смертной казни штрафом, внесение которого гарантируют обеспеченные друзья, но этот же пункт вызывает почти недоумение (ср. de Strucker-Slings, стр. 191–196) после предшествующих предложений Сократа, совершенно согласующихся с его образом, но вызывающе дерзких с точки зрения судей.

⁴⁵ Как считает Wilamowitz-Möllendorff (*Platon. Bd. 1. Berlin 1959, стр. 165*), Сократу не разрешили бы произнести подобную речь, и никто из судей не согласился бы ее выслушать. Croiset (*Platon. Ouvres complètes. T. 1. Paris, 1920, стр. 137*) полагает, что эти слова могли быть обращены только к небольшой группе близких людей, после того как большинство судей уже разошлись. Ряд исследователей находят третью речь реальной или возможной (см. Burnet J. *Plato's Euthyphro, Apology of Socrates and Crito. Oxford, 1924, стр. 161 сл.*; Phillipson C. *The Trial of Socrates. London, 1928, стр. 381 сл.*; Hackforth R. *The Composition of Plato's Apology. Cambridge, 1933, стр. 138 сл.*; Friedländer P. *Platon. Bd. 3. Berlin, 1960, стр. 170*). De Strucker-Slings: подлинность первой части третьей речи (обращение к осудившим) подвергается обоснованному сомнению и в то же время указывается на возможность, если не реальность, второй части (*op. cit.*, стр. 201–204). Действительно, как замечает Guthrie (*op. cit.*, vol. 4, стр. 78), Платон вряд ли бы поместил в текст слова *ἐν ᾧ οἱ ἀρχοντες ἀσχαλίαν ἄγρουσι καὶ οὕτω ἔρχομαι* и *ἕως ἔσθωτιν* (32e), если бы они противоречили реальному положению дел (кроме того, это еще один стилистический штрих, создающий иллюзию присутствия). У Ксенофонта также имеется речь, произнесенная после приговора (*Апология* 24 слл.).

⁴⁶ У Ксенофонта в соответствующем разделе также имеется обвинение его противников в *ἀσέβεια* и *ἀδικία* и предсказание будущих несчастий, сделанное, впрочем, не всем приговорившим к смерти, а одному Аниту относительно судьбы его сына. Менее конкретное предсказание Платона — *πλείους ἔσονται ὑμῶς οἱ ἐλέγχοντες, οὓς ἔγωγε καταίχων, ὑμεῖς δὲ οὐκ ἠσθάνεσθε* — позволяет ему связать исполнение сократовского пророчества с собственными планами на жизнь. Однако трудно сказать, может ли эта параллель подтвердить реальность этой части речи и не является ли она скорее эффектным литературным ходом, равно используемым обоими авторами.

⁴⁷ Признавая вместе с указанными выше исследователями возможность этого раздела речи, мы должны отметить, что именно здесь излагается один из центральных пунктов учения пифагорейцев о бессмертии души и ее загробного существования, что делает эту часть чрезвычайно нагруженной с точки зрения излагаемого здесь и развиваемого впоследствии платоновского учения. У Ксенофонта Сократ обращается не ко всем оправдавшим его, а лишь к близким друзьям со словами утешения (27 слл.), имеется вставка-диалог с Аполлодором. Он также говорит о том, что случившееся надо признать скорее благом — *εὐπραγούνητος ἐμοῦ*, — однако объяснение того, почему смерть надо считать благом, у Ксенофонта совершенно иное и дается в другом месте, см. 5–9, его главный пункт: *ὁ θεὸς δι' εὐμένειαν προξενεῖ μοι οὐ μόνον τὸ ἐν κατὰ τῆς ἡλικίας καταλῦσαι τὸν βίον, ἀλλὰ καὶ τὸ ἧ ἔφρατα*, в нем ничего не говорится о бессмертии души или загробном воздаянии. И у Ксенофонта, и у Платона Сократ сравнивает свою судьбу с судьбой Паламеда, несправедливо осужденного по навету Одиссея. Хотя, кажется, возможность продолжить диалектические изыскания и после смерти предполагает только платоновский Сократ (41b).

Из этой схемы видно, что хотя большинство разделов речи являются вполне уместными и даже обязательными на реальном судебном процессе, однако историчность некоторых из них, тем не менее, оказывается сомнительной, причем нельзя не заметить, что как раз эти разделы были очень удобны Платону для привлечения внимания читателя к некоторым положениям, важность которых спустя несколько лет после процесса могла существенно возрасти в его глазах. Обобщая указанное в сносках, можно сделать следующие выводы:

- 1) Диспозиция речи, возможно, по образцу речи Андокида *О мистериях*, написанной в 399 г., при которой ответ на реальные обвинения дается только в разделе, посвященном допросу обвинителя, а предшествующие разделы посвящены предыстории дела, позволяет Платону достичь нескольких важных целей: выявить особое положение Сократа — Сократ не метеоролог (опровержение Аристофана), Сократ не софист (опровержение всеобщего мнения); описать особое занятие Сократа — Сократ исполняет божественную миссию (рассказ об оракуле); кроме того, если Thesleff прав, говоря о последовательности откликов *Прото-Государство — Женщины в народном собрании — Апология Сократа*, то надо признать, что опровержение старых обвинителей — очень удобный пункт, позволяющий Платону, защищая Сократа, ответить и на выпады Аристофана в свой собственный адрес.
- 2) Указанная в соответствующей сноске необычность раздела 4а) данной речи, в котором суду предъявляются способствующие защите биографические сведения, отражает общую тенденцию «парадигматизации» (Meuser, ср. 23b1: *ἐμὲ παρὰδείγμα ποιούμενος*) образа Сократа в *Апологии* (см. § 4). Здесь же показывается, что мудрый не боится смерти.
- 3) В разделе 4б), с одной стороны, развивается линия отличия Сократа от софистов (отсутствие учеников), а с другой, появляется тема соотношения частной добродетели и общественной деятельности — предмет, столь сильно занимавший Платона на протяжении всей его жизни: хотя, как кажется, от *Апологии* и вплоть до

VII письма ему была очевидна невозможность их совмещения, однако подобное сочетание несочетаемого составляет, можно сказать, главную интригу его собственной жизни и литературного творчества, которое, как утверждает Thesleff, начинается *Прото-Государством*.

- 4) В речи, последовавшей за вынесением приговора, в первых, приводится своего рода духовное завещание Сократа (предсказание будущего), которое при сравнении с аналогичным разделом Ксенофонта текста выглядит скорее как задача, поставленная Платоном перед самим собой, а во вторых, дается объяснение тому парадоксальному обстоятельству, что Сократ вовсе не считает случившееся злом для себя, при этом формулируются следующие важнейшие для Платона тезисы: смерть как переселение души в Аид и как благо; бессмертие души; справедливость посмертного воздаяния; невозможность для недостойного причинить зло достойному человеку.

§ 4. ОБРАЗ СОКРАТА В «АПОЛОГИИ»

По-видимому, совершенной новостью для читателей *Апологии* стало указание на то, что Сократ не являлся софистом, причем отличался от них, согласно Платону, в самом главном: Сократ не занимался воспитанием и не имел учеников⁴⁸. Действительно, сравним это с тем, что Ксенофонт в качестве отличительной черты Сократа указывает его нежелание брать деньги со своих учеников, но никак не то, что он вообще ничему не учил: именно тема бесплатности сократовского воспитания представлялась важной автору *Воспоминаний*, и он дважды освещает ее в первой книге этого сочинения (1.2; 1.6). Здесь показательно приводимое во втором случае описание беседы софиста Антифонта с Сократом. Антифонт обращается к Сократу совершенно как к коллеге по цеху, ведущему, впрочем, несколько маргинальный образ жизни: у них схожий род деятельности,

⁴⁸ Эту черту образа Сократа Платон и платоновский круг развивает и в дальнейшем, ср. в *Протагоре*: «А не стыдно тебе быть софистом?» (312a).

у них схожие заботы, связанные с учениками. Главный упрек Антифонта, адресованный Сократу, заключается в том, что последний ведет образ жизни, не подходящий для профессионала и даже глупый (*ἐγὼ τοῖς σε δίκαιον μὲν νομίζω, σοφὸν δὲ οὐδ' ὅπωποτιοῦν*) — не берет денег за обучение. Сократ дает ему ответ, остающийся достойным во все времена, однако сейчас важно то, что его слова недвусмысленно подтверждают: он действительно имеет учеников и, соответственно, чему-то их обучает (*καὶ ἐάν τι ἔχω ἀγαθόν, διδάσκω*). Сократ у Ксенофонта скромен: он не объявляет, как софисты, во всеуслышание о том, что сделает всякого *καλὸν καὶ ἀγαθόν*, ничего не обещает заранее и называет своих учеников просто «близкие» или «друзья», однако *τῷ φανερός εἶναι τοιοῦτος ὢν ἐλπίζειν ἐποίει τοὺς συνδιατρίβοντας ἑαυτῷ μιμουμένους ἐκείνων τοιοῦτους* (sc. *καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς*) *γενήσεσθαι*. В *Апологии* того же автора Сократ прямо говорит, что занимается *περὶ παιδείας*, причем в одном случае (20.3) он фактически признает это своей профессией, а в другом (21.4) то, что добился на этом поприще значительных успехов. В связи с этим настойчивое указание платоновского текста на то, что Сократ никого ничему не обучал, оказывается обескураживающе странным, и только благодаря читательской привычке именно к платоновскому Сократу эта странность не бросается нам в глаза. В одном случае (19d8) Сократ заявляет: *ὡς ἐγὼ παιδεύειν ἐπιχειρῶ ἀνθρώπους καὶ χρήματα πράττωμαι, οὐδὲ τοῦτο ἀληθές*, при этом важный для Ксенофонта пункт — взимание денег за обучение — вообще оставляется далее без внимания, а акцентируется главное: Сократ занимается совсем *другим делом*. В другом случае (33a5 слл.) следуют еще более радикальные заявления: *ἐγὼ διδάσκαλος οὐδενὸς πώποτ' ἐγεγόνμην... εἰ δὲ τίς φησι παρ' ἐμοῦ πώποτέ τι μαθεῖν ἢ ἀκοῦσαι ἰδίᾳ ὅτι μὴ καὶ οἱ ἄλλοι πάντες, εἴ ἴστε ὅτι οὐκ ἀληθῆ λέγει*. Для афинян, видевших каждый день Сократа, окруженного группой спутников, из которых иные, как, например, Херифонт, сопровождали его много лет, было удивительно слышать или читать такие признания. Сократ, предвосхищая подобные возражения, дает объяснение тому, что за люди вечно ходили за ним — и этот ответ может показаться сухим и жестким по отношению прежде всего к самим верным спутникам Сократа, — он говорит, что бог приказал ему ис-

пытывать тех людей, что полагают себя мудрыми, а созерцать опровержение чужой мнимой мудрости — «зрелище, не лишенное удовольствия для досужих людей». Дело, однако, не в сухости тона, а в том, что Платон еще раз подчеркивает обособленность Сократа от прочих людей, к числу которых относятся и те, кто считали себя его учениками.

В целом в *Апологии* имеется лишь заявка на демонстрацию особой роли Сократа, у которой пока мало реальных оснований: опровержение Мелета, например, ведется в чисто софистическом духе. Для достижения эффекта Платон вынужден, с одной стороны, прибегать к парадоксам: 1) что значит, что Сократ никого ничему не учил, несмотря на то что всем известно противоположное? — это значит, что он был не просто лучшим учителем, как у Ксенофонта, но — как дает нам понять Платон⁴⁹ — вообще единственным достойным называться этим именем; 2) почему верный ученик принуждает своего наставника вести себя столь отстраненно по отношению к своим близким на процессе⁵⁰? — потому, что Сократ — особая личность по сравнению с другими, и даже общение с ним не способно сделать кого-либо равным ему и сколько-нибудь заметно выделить из толпы.

С другой стороны, Платона выручает *deus ex machina*⁵¹ — дельфийский бог, — превращающий жизненные обстоятельства в перипетии божественного рока, а суд над ним — в развязку трагедии. Но персонажем драмы не может быть простой человек, поэтому образ Сократа героизируется: фактически, по последовательности примеров, приводимых в биографическом разделе речи, действия Сократа при выполнении им воинского долга ставятся в один ряд с подвигами Ахилла и других полубогов, принимавших участие в осаде

⁴⁹ Ср. *Горгий*, где Сократ оказывается единственным, достойным имени политика.

⁵⁰ В этой связи можно упомянуть еще две детали: 1) во второй речи имеется показательное противопоставление Сократа своим ученикам в выборе возможного наказания; 2) у Ксенофонта после приговора Сократ обращается со словами утешения только к своим друзьям, и даже беседует отдельно с Аполлодором; у Платона Сократ обращается к «истинным судьям», никак не выделяя среди них своих учеников.

⁵¹ Подлинность истории с оракулом подвергается сомнению, см. гл. с красноречивым заглавием *La sentenza delfica invenzione di Platone* (стр. 215–218) в кн.: Montuori M. *Socrate. Fisiologia di un mito*. Firenze, 1974.

Трои, в мифе о загробном воздаянии его судьба ставится в ряд с судьбой Паламеда и Аякса (см. также прим. к 22а7, где усматривается сравнение с подвигами Геракла). Подобно тому, как у Горгия Паламед представляется *μέγας εὐεργέτης ἑμῶν καὶ τῶν Ἑλλήνων καὶ τῶν ἀπάντων ἀνθρώπων, οὐ μόνον τῶν νῦν ὄντων ἀλλὰ (καὶ) τῶν μελλόντων*, точно так же и Сократ представляется как величайший *εὐεργέτης τῆς πόλεως*, потеря которого окажется невозполнимой. Добродетель Сократа последовательно представлена как *σοφία* (20d7 слл.), *σωφροσύνη* (23а5 слл.), *εὐσέβεια* (23b, 29d2 слл.), *ἀνδρεία* (28b3 слл.), *δικαιοσύνη* (31c слл.). Не их сумма делает Сократа выдающимся человеком, но каждым из этих качеств Сократ обладает в выдающейся мере. Характеристику Сократа завершает его *εὐδαμονία* (40с9 слл.).

Достаточно сравнить этот ряд с тем описанием личности Сократа, что дается в Ксенофоновой *Апологии*, чтобы понять, что перед нами фигура иного масштаба⁵²: это почти легендарный Пифагор, по преданию, относившийся к особому разряду существ, промежуточному между людьми и богами. Он наставляет людей в учении о бессмертии души и загробном воздаянии, его миссия имеет небесную санкцию, а решения направляются божественным голосом. Таким образом, неожиданно охарактеризовав Сократа как «не софиста», Платон вдобавок характеризует его образ и положительно, показывая, что по основным установкам, определяющим все его поведение на суде и всю его, так сказать, жизненную стратегию и тактику, Сократ оказывается пифагорейцем.

Образ Сократа-пифагорейца определяет тематику тех пассажей из *Апологии*, которые свойственны скорее проповеди, а не оправдательной речи. Деятельность пифагорей-

⁵² Цель Ксенофонта в *Апологии* — показать, что Сократ *μήτε περὶ θεοῦς ἀσέβησαι μήτε περὶ ἀνθρώπων ἀδίκως φαίηται* (22). Ряд эпитетов Сократа у Ксенофонта — *σώφρων, ἐγκρατής, καρτερικός, δίκαιος, εὐσεβής, ἀνδρεῖος, σοφός* — лишь на первый взгляд кажется аналогичным платоновскому: *σοφία*, например, понимается достаточно традиционно (16.6), тема «божественной мудрости» отсутствует, а в словах оракула мудрость упоминается как одно из достоинств в списке других. Сократ у Ксенофонта признается лучшим из людей, сочетающим в себе самые лучшие человеческие качества, но никак не героизированной личностью, обладающей исключительными достоинствами.

цев была наставнической в религиозном, образовательном и политическом отношениях, и именно эти моменты составляют основу учения Сократа в *Апологии*. В области религии Сократ проповедует учение о переселении души в Аид и посмертном воздаянии, призывает к благочестию и служению богу. В области образования он требует нового типа воспитания добродетели, не похожего ни на какой имеющийся. В области политики он призывает граждан задуматься об устройстве полиса и сам оказывает государству благодеяния.

По-видимому, не случайно после написания *Апологии*, зафиксировавшей пропифагорейскую ориентацию Платона, он совершает путешествие в Южную Италию ради знакомства с пифагорейцами из Локров Эпизефирских, родины первых записанных законов легендарного Залевка. А вернувшись из Италии, организует собственную философскую школу, становление которой в дальнейшем существенно скорректировало характер его литературного творчества.

§5. «АПОЛОГИЯ» КАК НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА И САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ ПЛАТОНА

Так *Апология* задает специфику литературного творчества Платона на его раннем этапе. Успех оправдательной речи Сократа решил две важнейшие авторские проблемы: выбор жанра и выбор ведущего персонажа будущих сочинений. Платон продолжает писать речи, охватывая при этом все возможные жанровые разновидности, словно соревнуясь с виднейшими ораторами своего времени: жанр судебной речи был использован в *Апологии*, жанр надгробной, политической речи — в *Менексене*, три эпидейктические речи составляют основу *Федра*, семь энкомиев — основу *Пифа*. Параллельно Платон, по-видимому совершенно самостоятельно, пытается развивать жанр сократического диалога, отталкиваясь от его «малой» формы, присутствующей в *Апологии* в виде диалога с Каллием (такая форма диалога, предполагающая нарративную рамку, в целом остается характерной для творчества Ксенофонта), и первым серьезным успехом в этом направлении становится *Протагор*.

Апология задает основные темы целого двадцатилетия творчества Платона вплоть до завершения *Государства*.

В это время прежде всего продолжается разработка образа Сократа, выявление характерных черт его деятельности. В живом диалоге невозможно было сохранить торжественный пифагорейский тон защитительной речи Сократа, но его элементы чувствуются там, где основу изложения составляют речи или монологи. В этой связи необходимо отметить ряд мифов (*Горгий*, *Федр*, *Федон*, *Государство* 10), развивающих идеи речи к истинным судьям из *Апологии*. Боговдохновенность Сократа подчеркивается при импровизации им речей в *Федре*. В *Пире* вновь получает развитие сверхчеловеческий образ Сократа, выделяющегося из разряда людей, как нынешних, так и прежних, скорее уже некоего силена или сатира, впадающего в боговдохновенные трансы, знающего толк в божественной любви и неподвластного простым человеческим слабостям, таким как плотская страсть, вино, сон. В словах Алкивиада (215e7): ὑπὸ τούτῳ τοῦ Μαρσύου πολλὰ κίς δὴ αὐτῷ διέτέθη ὥστε μοι δοῦναι μὴ βιωτὸν εἶναι ἔχοντι ὡς ἔχω — слышится цитата из *Апологии* (38a5): ὁ δὲ ἀνεξέταστος βίος οὐ βιωτὸς ἀνθρώπῳ. В *Федоне*, составляющем трагическую пару к комическому *Пире* (ср. *Пир* 223d3-6), место Дионисия, покровителя сатиров, вновь занимает дельфийский бог, по своему усмотрению вмешивающийся в ход последних дней пребывания Сократа среди живых.

В то же время, как бы в продолжение рассказа из *Апологии* о беседе с политиками, поэтами и ремесленниками, ряд диалогов посвящен подробному описанию деятельности Сократа по исполнению им своей миссии — испытанию человеческой мудрости. При этом Платон, стараясь снять разрыв между заявленной в *Апологии*, но не получившей содержательного, «земного» обоснования особенностью Сократа по сравнению с софистами и эристиками, постепенно все больше уделяет внимания самой сократовской манере вести беседу — диалектике, получающей в ранних диалогах этическую, а в последующих — методологическую оценку.

В *Государстве* Платон отдает еще один «долг»: он формулирует устами Сократа новую воспитательную систему,

не имеющую ничего общего с софистическими приемами. В ее основе угадывается конституция пифагорейского союза, в перечне дисциплин особая роль отводится математике, астрономии и музыке, но венчает «учебный план» новая дисциплина — диалектика.

Политическая деятельность всегда занимала Платона. Еще в *Прото-Государстве* он предлагает некоторые смелые новации (совместное воспитание юношей и дев). Однако судьба его ближайших родственников, занимавшихся реальной политикой, и реакция на его первый проект Аристофана, бывшего рупором афинских обывателей, заставляют его отказаться от активной политической карьеры, поскольку он приходит к выводу, сформулированному в *Апологии* (32a): совмещение личной добродетели и общественной деятельности невозможно. Платон становится теоретиком политической мысли, посвящая фактически всю свою жизнь написанию *Государства* и *Законов*⁵³.

Первое из этих сочинений дает ответ на вопрос, поставленный в *Апологии*⁵⁴: каким должен быть полис, опорой, а не врагом которого будет подлинно справедливый человек? В нем исследуются понятия справедливости, дается описание государственного устройства, гарантирующего полису обладание всеми добродетелями. *Государство* как бы завершает трактовку проблемы справедливости во всей ее временной целостности: как обещано Сократом еще в *Апологии*, правда торжествует по смерти, но может торжествовать и при жизни при условии, что полис устроен надлежащим образом. Если принципиальное решение проблемы политического устройства дается во 2-й книге *Государства*, то в других диалогах Платон действует двояко: с одной стороны, он показывает несостоятельность современных ему политиков, и здесь особое место занимает критика риторики, главного инструмента политической деятельности, а с другой, он продолжает в фор-

⁵³ Однако он всякий раз охотно откликается на возможность реализовать некоторые из своих замыслов, когда ему посылаются судьбой удобные случаи, к которым он всегда относился с особым чувством: ср. *ἑία μοίρα* — *Апология* 33сб; *Государство* 7, 353b4; *ἑία τινὶ τύχη* — VII письмо 327e3.

⁵⁴ В 3бс Сократ призывает граждан не заботиться о городских делах *πεὶ αὐτῆς τῆς πόλεως*.

ме мифов о посмертной справедливости намекать на возможный идеал. Критика риторики занимает важнейшее место уже в *Апологии*, каждая фраза которой может считаться образцовой с точки зрения ее риторической отделки, но при этом опровергает сам агонистический дух публичного красноречия⁵⁵. Дальнейшее развитие эта тема получает в *Горгии* и *Федре*, а мифологические разделы в *Горгии*, *Федре*, *Федоне* и видение Эра в *Государстве* развивают основные идеи речи к истинным судьям из *Апологии*: в *Горгии* Сократ повествует об устройстве загробного суда, в *Федре* — о бессмертии души, ее трехчастном делении и созерцании ею подлинного бытия, в *Федоне* рассказ о посмертном суде иллюстрируется подробным географическим описанием загробного мира, в *Государстве* учение о посмертном воздаянии связывается с темой ответственности человека за выбор своей судьбы, причем судьба отдельной души оказывается органично вплетенной в общую систему мироздания.

После *Государства*, описывающего человеческий мир, естественным продолжением выглядит *Тимей*, посвященный описанию мира божественного и космоса в целом. Таким образом, Платон охватил в своем творчестве весь чувственный и сверхчувственный мир, оставив своим ученикам возможность исследования частных вопросов.

Разумеется, мы ни в каком смысле не можем сказать, что здесь, в *Апологии*, Платон с немецкой обстоятельностью, которую хотел в нем видеть Шлейермахер, уже составил план всего своего литературного и философского творчества. Написанная на фоне задуманного *Государства*, *Апология*, очевидно имевшая успех, спровоцировала написание ряда речей, позже переработанных в диалоги, но Платон не предвидел того кардинального изменения во всем его творчестве, которое было обусловлено возникновением того, что мы привычно называем Академией. Именно Академия, школа Платона, определила как жанр *Государства*, так и конкретные формы многочисленных диалогов, написанных сообразно с потребностями школы. Всех плюсов и минусов творчества, обусловленного школой, Платон во время написания *Апологии* еще и не предполагал.

А П О Л О Г И Я С О К Р А Т А

⁵⁵ См. passim: Burnet. *Op. cit.*; Meyer. *Op. cit.*; Wolff E. *Platos Apologie*. В., 1929.